

Алесь Мищенко

Записки полярника

На основе реальных событий (заметок
о международной арктической экспедиции «Мозаик»)

Арктический порт

Жить на берегу моря—это жить на берегу бесконечности. И хотя древние мореплаватели не знали этого раскатистого, устремлённого вдаль слова—«бесконечность», но я уверен, что именно это они и чувствовали, когда вглядывались в предрассветную дымку на горизонте. Именно это—суровую неизвестность и бесплывательность—ощущали и финикийские купцы, и воинственные маори, и полинезийские рыбаки на своих неустойчивых катамаранах «проа», и гребцы первых греческих триеров, отважившиеся устремиться за горизонт казавшегося тогда бескрайним Эгейского моря.

С тех пор прошло много лет. Уже давно рассыпавшись в пляжную гальку тот утёс, с которого бросился в море царь Эгей, когда увидел, как корабль его сына возвращается под траурным чёрным парусом. Уже давно не заманивают сладкогласные сирены мореплавателей Средиземного моря—их место заняли проститутки маленьких портовых городков.

И только в одном месте это первобытное ощущение—суровой неизвестности и бесконечности—осталось в своём первоизданном виде. Это место—арктический порт.

Арктический порт—это совсем не то, что порт южный. Тёплые моря давно приручены человеком. Поэтому южный порт шумный, весёлый и разноязыкий. Как писал когда-то Александр Грин, он возникает «на обрывках скал и холмов, соединённых лестницами, мостами и винтообразными узенькими тропинками. Всё это завалено сплошной густой тропической зеленью, в веерообразной тени которой блестят детские, пламенные глаза женщин... Жёлтый камень, синяя тень, живописные трещины стен; где-нибудь на бугрообразном дворе—огромная лодка, чинимая босоногим, трубку покуривающим нелюдимом; пение вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях, под тентами и огромными зонтиками; блеск оружия, яркое пламя, аромат цветов и зелени, рождающий глухую тоску—о влюблённости и свиданиях; гавань—грязная, как молодой трубочист; свитки парусов, их сон и крылатое утро, зелёная вода, скалы, даль океана; ночью—магнетический пожар звёзд, лодки со смеющимися голосами»,—таков южный порт.

Порт северный—совсем другой: аскетичный, сосредоточенный и, главное, безлюдный—лишь крики чаек вместо разноязыкой, смеющейся и ругающейся какофонии его южного собрата. С ним не нужно слов—и я чувствовал его, как чувствуют молчаливого, но надёжного друга.

Вместо южного, слепящего от солнечных бликов, моря—здесь седое, суровое, уходящее в северную дымку пространство Арктики. Оно похоже на космос. Северный порт потому и суров, что находится прямо на берегу этого белого космоса.

И действительно, как только я ступил на палубу ледокола «Капитан Драницын», я почувствовал себя космонавтом, отправляющимся на международную космическую станцию. С этого момента я думал лишь о нём—о белом космосе Арктики. Я думал о нём, и когда наш ледокол, словно космический корабль, стартовал в эти бескрайние ледяные пространства. И когда за кормой уже скрылся в снежной дымке мой молчаливый друг—северный порт. И когда, уже в пути, ноябрьские сумерки сменились темнотой полярной ночи и мы двигались в космической черноте, в которой лишь звёздное небо поднимало над нашими головами зелёное знамя северного сияния. Мы шли на север—туда, где на орбите дрейфующих вокруг полюса льдов нашу команду учёных ждал вморозенный в лёд научный корабль «Поларстерн». Там я должен был присоединиться к арктической зимовке экспедиции «Мозаик».

Северный морской путь

Плыть на ледоколе—это совершенно другие ощущения, чем плыть на обычном корабле.

Обычный корабль идёт плавно, мотор урчит, и если есть волнение, то он покачивается на волнах, тянет идущих по палубе—то вправо, то влево.

Совсем другое дело—ледокол. Это вообще больше похоже на поездку на огромном грузовике, чем на корабле. Вместо качки тут—особенные, характерные только для ледокола, толчки.

В круглосуточной темноте полярной ночи я лежал в тесной каюте и ощущал, как в окружающей

ледяной пустыне трескаются под нашим напором двухметровые льды. Толчок вперёд — значит, треснул лёд, Потом ледокол трётся, вклиниваясь в только что созданную трещину. Потом снова толчок. словно медленное тиканье гигантских арктических часов.

А иногда — р-раз — и часы ломаются, появляются другие толчки, сродни тем, когда глохнет или соскакивает со слишком высокой передачи взбирающийся в гору автомобиль. Чувствуется, как эти натужные толчки идут снизу, из самых внутренностей ледокола. Они означают, что даже мощное машинное отделение не справилось — мы застряли. Тогда ледокол останавливается, не спеша даёт задний ход, замирает на минуту, словно сосредотачиваясь, и, снова взревев своими моторами, разгоняется и ударяется в непослушный лёд.

Тем временем мы приближались к полюсу. Льды становились всё толще. Всё чаще ледокол не справлялся, и ему приходилось колотить лёд с разбега, переходя в режим гигантского перфоратора. Всё чаще, с каждым новым разгоном, я неосознанно напрягался, пытаюсь и сам собраться в кулак для очередного удара... И когда уже казалось, что неминуемо наступит момент, когда ледокол застрянет, не сможет, даже вот так, с наскока, разбить лёд, — мы, наконец, прибыли: на горизонте показался вмороженный в лёд научный корабль «Поларстерн» с разбросанными вокруг исследовательскими палатками. Ледокол, дав победный гудок, остановился.

Пополнение команды учёных, в составе которых был и я, сошло на лёд.

После шумной, но недолгой встречи «Капитан Драницын», дав нам ещё один прощальный гудок, отправился назад, на землю. Он прошёл в ту зиму дальше всех дизельных ледоколов — до восьми-десяти восьми градусов северной широты.

Живой лёд

Первое, что меня поразило, как только стих вдали шум моторов «Капитана Драницына», — это какой-то вселенский покой. Пока ледокол двигался, пока трещал под его напором лёд, работали двигатели — был шум и чувствовалось движение. Но вот он ушёл — и всё затихло, остановилось. Уже через пару часов сомкнулся, затянулся его водяной след — этот шрам на ледяной коже Арктики, и я оказался в странном, словно поставленном природой на паузу, месте. Время остановилось, и даже солнце, как и положено в полярную ночь, не всходило.

Погода в первый день была безветренная, и я почувствовал себя как в сказке про застывшее царство Снежной королевы — ни единого движения вокруг. Природа, словно ластиком, стёрла всё суетящееся и живое, оставив, как в начале времён, лишь белый лист бумаги.

Но в первый же мой ознакомительный выход на льдину, к исследовательскому оборудованию, я понял, что это не так. Оказалось, стоит лишь отойти от корабля — чтобы стихли голоса и шум дизель-генератора — и прислушаться к тишине...

...так сразу понимаешь, что лёд вокруг — живой. Что он постоянно движется, трещит, то там, то здесь образуются и зарастают трещины, куски ледяного поля смещаются друг относительно друга — как смещаются континенты. Только гораздо быстрее: льды движутся как домашние черепахи — со скоростью около четверти километра в час. И мы на нашей льдине, как в древних легендах, живём на панцире такой белой беспокойной черепахи, которая ползёт то туда, то сюда и трётся о панцири своих соседей.

Иногда этот треск льда в темноте полярной ночи был страшноват — ведь на многие километры вокруг не было никого, кроме нас и этих гигантских ледяных черепах...

Впрочем, и тут я был не прав. Через неделю выяснилось, что мы тут не одни — за нами наблюдают.

Полярный путешественник

Каждое утро перед завтраком я выходил на палубу: никак не мог избавиться от своей южной привычки — перед завтраком пить кофе на балконе, рассматривая просыпающийся город. В Арктике, конечно, кофе на свежем воздухе не попьёшь — после первого же глотка заледенеют и губы, и чашка. Да и рассматривать в полярную ночь можно было лишь островок снега, вырванного жёлтыми корабельными фонарями у окружающей тьмы. Поэтому, попив кофе в каюте, я, одевшись в полное облачение, брал в рукавицы чайник с остатками кипятка и выходил наружу. Там, размахнувшись, я выплёскивал остатки кипятка вверх. Брызги с шорохом замерзали прямо в воздухе, превращаясь в облако ледяного пара, из которого на меня падал колкий снег.

И вот, выйдя однажды утром вдохнуть морозного воздуха, я взглянул, как обычно, на безмолвную ночь, на снег, освещённый жёлтыми фонарями, и... увидел на нём огромные следы.

На завтраке я рассказал об увиденном заинтересовавшимся компьютерщиком. Поев, мы сгрудились в серверной и, проматывая вперёд-назад записи камер наблюдения за метеоприборами, увидели-таки нашего ночного гостя. Это был огромный белый медведь. Он пришёл с востока, не спеша осматривая все метеостановки и, ничего не поймав, отправился дальше на запад.

Удивительно. Лёд вокруг был толстый, на многие километры вокруг ни одной полыньи. Значит, охотиться на тюленей тут невозможно. Это был не охотник. Это был медведь-путешественник. Как верблюд, шёл он через ледяную пустыню, шёл многие дни, вместе с дрейфом льда, к каким-то

новым берегам. Может быть, восход солнца застанет его в пригороде Лонгйира — самого северного города в мире, где законом запрещено умирать; а может — в суровых фьордах Керкенеса, где торчат прямо из воды кимберлитовые трубки, по которым когда-то рвалась из-под земли раскалённая лава...

А пока — он идёт, один, где-то в полной темноте, идёт, не отступая, прямо на запад. Я и потом часто представлял его: как он там, не устал ли, не отчаялся ли, не запаниковал ли, решил броситься назад?.. Нет, я был уверен, что он продолжает идти — вперёд, к какой-то, наверное, неясно ощущаемой им цели.

И теперь, когда и мне на моём жизненном пути хочется повернуть назад, — я вспоминаю его и, вздохнув, продолжаю идти вперёд, тоже к какой-то часто неясной, но зовущей мечте.

Самые большие поля цветов

Зимой арктический океан полностью замерзает. Как известно, лёд пресный, и поэтому соль из его двухметровых ледяных покровов вытесняется вниз и вверх — и тогда вся ледяная пустыня оказывается усыпана соляными цветами. В темноте полярной ночи их не видно — идёшь по щиколотку в цветах, и лишь тихим звоном рассыпаются они от каждого шага.

Если лечь на живот и посветить фонариком — становятся видны все эти чудесные заросли, похожие на превращённые в камень папоротники. Вспомнив, что такие цветы часто называют ледяными, я, отломив хрупкую веточку, попробовал её на вкус — нет, солёная.

Я всё ждал, когда наступит полярный день, — хотел увидеть Арктику, заросшую ледяными цветами — как степь весной. И когда, ко всеобщему ликованию, горизонт стал краснеть, а Арктика проясняться в сумерках, я заторопился в мои бескрайние цветочные поля.

В тот день я не нашёл ни одного цветка. Но зато я видел другое чудо: я заметил, как среди розовых облаков на горизонте появилась маленькая огненная чёрточка — начался восход.

А бескрайние цветочные поля исчезли. Сколько я ни искал, в полярный день мне не удалось встретить ни одного цветка. Наверное, такие цветы могли бы стоять весь год, если бы их не сдувал, рассыпая миллионами еле слышных колокольчиков, ледяной арктический ветер.

Вечный ураган

Веселее всего в нашей экспедиции было метеорологам. Чего только не было в их игровом арсенале! И воздушные змеи для измерения температуры и скорости ветра, и надувные шары — зонды, и даже небольшой беспилотный самолёт. Запускался он с двухметровых рельсов, как ракета «Фау-2», с помощью которой немцы бомбили Лондон. После того как эта «ракета» взмывала ввысь, метеоролог,

словно и правда от воинской команды «Ложись!», падал спиной на снег и, смотря в небо, начинал терзать джойстик управления. Послушный его командам, беспилотник кружился, поднимаясь всё выше и выше, и там, на сотнях метров над уровнем льда, проводил измерения, летел прямо, потом опять кружился — пока, как мне казалось, метеоролог не наиграется... Ну или пока он не начнёт примерзать ко льду. Тогда беспилотник приземлялся, а довольный метеоролог, кряхтя, поднимался и отряхивался от снега, успевшего его уже порядком замести.

Вечером, за чашкой горячего полярного чая в кают-компании, метеорологи рассказывали женской половине экипажа о своих «боевых вылетах». Рассказывали о том, что, кроме знаменитого океанического течения Гольфстрим, от которого зависит климат Европы, есть ещё и воздушное течение Джетстрим, от которого зависит климат во всём Северном полушарии.

На высоте десяти километров течёт и течёт, полукругом огибая Арктику, эта широкая — в сотни километров, стремительная — в сто километров в час — воздушная река.

В наше время глобального потепления Джетстрим, как и река в засуху, мелеет, превращаясь из широченной, в сотни километров, реки во всё более и более...

Разговор в кают-компании продолжался до поздна. Потому что нигде не бывает так уютно, как на полярной кухне. Внутри шум чайника, смех и еле слышно, как на нижней палубе работает дизель-генератор. А вокруг воеет метель, потрескивают льды, и где-то в вышине несёт свои стремительные ветры таинственный Джетстрим.

Книга льда

Я тоже хотел рассказать что-то интересное в кают-компании. Но я — гляциолог. Моя работа простая. С почти рыбацким коловоротом на плече я выхожу на свою смену. Ищу намеченное накануне место, втыкаю цилиндр коловорота в лёд и верчу ручку, бурю на нужную глубину. Потом аккуратно вынимаю и бережно несу на корабль оставшийся в цилиндре лёд. Чтобы там, под микроскопом, изучить его структуру.

Я вижу, что лёд похож на сено, полное микроскопических воздушных камер. Лёд — пуховое одеяло океана. Чем больше в нём пустот, тем одеяло «пушистее», теплее. От этого зависит и температура океана, и скорость таяния самих льдов. Когда лёд тает — открываются все микроскопические камеры, хранившие воздух со времён мамонтов. Выходят наружу древние микроорганизмы — весь этот замороженный древний зверинец, микроскопический «парк юрского периода».

Возможно, именно в этом куске льда ждут своей разморозки какие-то новые виды восьминогих

водяных медведей-тихоходок, или похожих на инопланетных чудищ коловраток, или ещё более микроскопические бактерии, или ещё более микроскопические вирусы.

Каждый раз, выбрасывая кусок льда за корму, я думал: лишаю ли я человечество какой-то полезной микрофлоры или, наоборот, спасаю его от эпидемий?

Впрочем, лёд тает и без меня, освобождая, возможно, ещё живые древние микроорганизмы. Об этом я и рассказал в нашей кают-компании... И, как это называют в народе, «накаркал».

Путь назад

О новой эпидемии мы узнали по радио. Сидя в радиорубке, мы, как к сводке с фронтов, прислушивались к новостям о том, что коронавирус захватывает всё новые и новые страны. Я чувствовал себя в каком-то апокалиптическом фильме, где в живых остаются лишь несколько главных героев, укрывшихся в безлюдной Арктике от глобального конца света.

Слушая эти новости, я то и дело недоверчиво поглядывал за корму: как знать, может, это какой-то древний вирус из разбитых мной ледяных цилиндров... Может, именно оттуда их выдул арктический ветер или принёс в северные рыбацкие посёлки медведь-путешественник...

И хотя это были, конечно, фантазии, одно я понял тогда очень ясно. Даже не понял, а почувствовал: как всё вокруг взаимосвязано. Как всё соткано, сшито воедино нитками морских и воздушных течений—джетстримов. Как всё составлено мозаикой дрейфующих панцирей льда и континентальных плит, открывающих в разломах путь извергающейся лаве. Как события планетарного масштаба зависят от баланса микроскопических организмов и вирусов, от внимательности учёных в лабораториях вирусологии и гляциологии, от работы медиков и метеорологов—и от моего осознания единства всего этого.

Я возвращался из Арктики другим. И, как мне показалось, другим стал и мир. По крайней мере, я надеюсь, что мы оба стали мудрее.